

Ж. РАСИН
СОЧИНЕНИЯ

РАСИН
СОЧ
ИНЕНИЯ

Т

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

J. R A C I N E

ACADEMIA
1937

Ж. Р А С И Н

СОЧИНЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

**ОЧЕРК А. ФРАНСА
ПЕРЕВОДЫ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А.М. ЭФРОСА**

ТОМ ПЕРВЫЙ

**АКАДЕМІА
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД**

АНАТОЛЬ ФРАНС
ЖАН РАСИИ

ЖАН РАСИН

Перевод К. Локса

Ришелье завершал объединение Франции. Корнель дал «Сида», Декарт — «Рассуждение о методе». В год, когда появилась трагедия «Горации», в пеленках орал ребенок, которому предстояло стать поэтом «Андромахи» и «Аталии».

Жан Расин родился в Ферте-Милоне от Жана Расина, окружного прокурора суда, и Жанны Сконен и был крещен 22 декабря 1639 года. Жан, его дед, служил по соляным податям; Жан, его прадед, королевский сборщик налогов с владений и герцогства Валуа, и с соляных амбаров в Ферте-Милоне и Крепи-Валуа, был пожалован дворянским достоинством. Окна дома Расинов по улице Пескери были расписаны знаками их герба: по лавури изображение крысы и серебряного лебедя. Но художник, писавший по стеклу, заменил крысу кабаном, что послужило поводом для процесса. Поэт Жан Расин впоследствии отказался от этой крысы или этого кабана и сохранил только изображение серебряного лебедя на лавурном поле.

Это была по-провинциальному строгая семья, где женщины часто уходили в монастырь. Семья была прочно связана с ясенистами. Витары, родственники Расинов, в 1638 году дали убежище отшельникам Пор-Рояля, изгнанным из своей обители. Семья Сконенов давала монахов и богословов монастырю св. Женевьевы.

Жану Расину было тринадцать месяцев, когда от родов умерла его мать, и три года, когда смерть отца оставила его на попечении Марии де-Мулен, его бабки, которая, овдовев

в 1649 году, удалилась в Пор-Рояль. Жан был тогда же помещен в коллеж города Бове, где и пробыл шесть лет под наблюдением наставников, преданных янсенизму. На семнадцатом году, вызванный бабкой и тетками, жившими в Пор-Рояле, он был принят Николем и Ланселотом в школу Гранжа. В этом суровом доме он занимался древними языками и изучил греческий под руководством учителя, который сочинил:

... сей сад, в котором нет цветов,
Но полн зато корней отборных
И просвещенью плодотворных.¹

Расин был сиротой: Пор-Рояль стал его семьей. Леместр именовал его своим сыном. Известно, какой добротой отличался Николь, один из его учителей. В ту пору отшельники были наделены одной лишней красотой: они были несчастны. Они страдали от преследований; их школы разгонялись. Три года, проведенные в этой монашеской пустыне, привили Расину известную склонность к янсенизму, которая возобладала в нем к концу жизни.

Ученик Леместра бродил в свободные часы по лесам аббатства, с Софоклом и Еврипидом, которых знал наизусть. Он слагал стансы о лугах, о лесах, о монастырском пруде. Благочестивое и замкнутое воспитание обладает особым очарованием для юных и пылких душ, когда не удушает их. Монастырь наделяет чрезмерно широкие или чрезмерно разбрасывающиеся умы, дабы целиком поглотить их, необычным недугом, в котором есть, впрочем, и кое-какая услада: болезнью вымыслов, опасным даром переплестать жизнь с грезой, с видениями, с прекрасными образами, и погружаться в их любимое небытие. Когда Сен-Сиран говорил в доме, где все почтительно внимало ему, что Вергилий предан вечному осуждению за свои прекрасные стихи, он тем самым окутывал для чувствительного школьника тень Дидоны меланхоличным и сладостным счарованием. Религия дает сладострастным душам лишнее сладострастие: сладострастие гибели.

¹ Вступление к «Саду греческих корней».

Говорят, что юное воображение Расина было взволновано в этой тиши классных комнат и в умиротворенности часовен речами любви в романе о «Теагене и Хариклее». Прекрасные образы бродят в душах поэтов раньше, нежели они умеют их выразить.

Расину было девятнадцать лет, когда он вышел из Пор-Рояля, чтобы начать курс философии в коллеже Гаркура. Незадолго до этого он поселился поблизости от своего дяди, Витара, в особняке, принадлежавшем герцогу де-Люин, где дышал воздухом современности. Он очень дружил тогда с молодым аббатом, у которого было «сердце весьма нежное и расположенное к приятным впечатлениям любви». ¹ Левассер вел знакомство с актрисами и, выходя из дому, надевал белую одежду аббатства Сен-Жан де-Винь. Дядя Витар тоже любил светский образ жизни и мадригалы; своего племянника, «средства которого были очень невелики», ² он ссужал деньгами. Расин писал легкие стишки, два-три раза в день ходил в кабачок и был на пути к тому, чтобы стать светским человеком. В таком-то времяпрепровождении он и написал оду на бракосочетание короля — «Нимфа Сень».

Витар отнес ее Шапелену, который распорядился ключом от королевской шкатулки. Шапелен сделал замечание, что нельзя пускать тритонов в реку. Расин убрал тритонов и получил награду.

Двадцатидвухлетний король, невежественный, гордый, упрямый, принял бразды правления над королевством, ставшим наконец всемогущим в итоге векового труда великих работников Франции. Людовик XIV любил женщин и власть; потом он полюбил сады, сооружения, поездки в карете по лагерям. Вступив в брак, он стал развлекаться сам и развлекать знать балетами и каруселями, его двор, изысканный и пышный, становился образцом для драматургов.

Расин написал в эту пору две пьесы в стихах, не дошедшие до нас: «Амазию», написанную для некой актрисы театра Маре,

¹ Письмо Расина.

² Письмо Расина.

и «Любовь Овидия», план которой ему дала актриса Бошато; за это Расин галантно именовал ее «плодовитая Юлия-Овидий». Женщины завершили дело Пор-Рояля: они в свою очередь стали воспитательницами этого счастливо одаренного ума. Они развили в нем ту гармоничную гибкость, утонченную чувствительность, то глубокое знание человеческого сердца, которые были лучшими качествами его дарования. Женщины тогда были такими, какими их создало французское общество: высокомерными, кокетливыми, властными. В отношениях воспитанного человека с женщинами тогда появилась известная сдержанность, вежливость, одухотворенность, которая требовала в самом ухаживании наличия многообразных проявлений мысли и чувствований.

У Расина был в то время сосед, которого он часто посещал, — Жан де-Лафонтен, живший на набережной Августинов.

Между тем, тетки молодого человека, осведомленные о его дурном поведении, посылали ему из недр Пор-Рояля «проклятие за проклятием»,¹ которые оставались тщетными до тех пор, пока Жан, чтобы не быть в тягость Витару, не принялся искать оплачиваемой должности и отправился в Ювез, к своему дяде, достопочтенному отцу Сконену, генеральному викарию и приору реформированных приходов кафедральной церкви. Это случилось в 1661 году; Расину было двадцать два года. Одно время он собирался было принять даже священнический сан. Пока же он сочинил для аббата Левассера галантные стихи «Купанье Венеры», заглядывался в церкви на местных красоток, писал примечания к «Одиссее» и «Олимпийским одам», перелистывал «Свод» св. Фомы и в особенности читал Петрарку.

Достопочтенный отец Сконен, попавший в тонкую сеть церковных интриг, не мог помочь племяннику, который возвратился в Париж с пустыми руками. Позже Расин добился мирских благ: он стал приором Эпине, Сен-Жака, Ля-Ферте и Сен-Никола в Шуази. Больше того: начиная с 1664 года он стал получать некоторое вознаграждение из королевской шкатулки.

¹ Письмо Расина.

С 1663 года Расин получает доступ ко двору и к присутствованию при церемонии вставания короля. У молодого поэта, наделенного гибким умом, был дар нравиться. Он умел беседовать на всяческие темы и не заводил речь о своих произведениях. Он был красив: он обладал тонким, открытым, приятным лицом; у него был острый с горбинкой нос, нос насмешников, иронический и сладострастный рот и прекрасные глаза — мягкие, легко склонные увлажниться слезами. Нам уже известно, что он часто посещал Лафонтена. Он дружил также с Буало и с Мольером, которому отдал свою «Фиваиду», поставленную потом на сцене Пале-Рояля. Сборы были чудосочные. Тем не менее эта первая пьеса, в которой молодой Расин, полностью использовав Еврипида, подражал Ротру и Корнелю, уже обнаружила в нем искусного поэта, умеющего обрисовывать характеры. В эту пору Мольер, Лафонтен и Расин собирались дважды-трижды в неделю у Буало, жившего на улице Голубятни. Вместе с Шапелем, Фюретьером и несколькими придворными они бывали в кабачке «Белого барана», что на месте бывшего кладбища Сен-Жан, в «Еловой Шишке», что на улице Ликорн, и в «Кресте Лотарингии», и там насмешничали по всяческим поводам, вплоть до парика Шапелена.

Это хорошее время длилось недолго. Расин, отдавший своего «Александра» театру Мольера, решил, что комедианты Пале-Рояля сыграют пьесу не так, как ему хотелось бы; он передал ее, без предупреждения, труппе «Бургундского отеля», которая ее разучила, и, когда уже все было сделано, Париж увидел двух «Александров» одновременно. Мольер имел право быть недовольным и выразил это. Молодой же автор не мог перенести мысли, что его дорогое детище будет предано, а его поэтическая слава затмится. Способность живо воспринимать все впечатления создает непостоянство и своего рода вероломство у самых нежных и самых утонченных натур. Есть великая правда в том, что отношения особо деликатные не слишком надежны. Расин отнял у Мольера мадемуазель дю-Парк; это довершило разрыв. Мадемуазель дю-Парк была актрисой Пале-Рояля, которую Мольер якобы любил без взаимности; она была красива, ей было

тридцать лет. Расин, ухаживавший за ней, переманил ее в «Бургундский отель», где она сыграла заглавную роль в «Андромахе». Немного позднее она умерла от родов. Гадалка Вуазен обвинила Расина в том, что он ее отравил. Его видели плачущим у гроба актрисы. Слезы эти заставляют вспомнить трогательные слова, которые Лафонтен в «Любви Амура и Психеи» влагает в уста Расину: «Ну что ж! станем плакать... Герои древности плакали тоже».

Благодаря «Александрю» Расин стал поэтом, известным двору и столице. Свора врагов, усиленная врагами Буало и друзьями Корнеля, подняла лай: им предстояло травить его до смерти. Поэт принадлежал к числу людей, которых легко ранить, но в каждом таком случае он отвечал с властной манерой человека, который может ответить на все. Он слишком хорошо владел опасным искусством дразнить их. Он насмеялся утонченно и жалил больно. Люди мягчайшего нрава отнюдь не наименее насмешливы: та самая нервная чувствительность, которая вызывает так часто слезы, столь же часто возбуждает смех. Случилось так, что автор «Андромахи» должен был ввязаться в ссору, сопровождавшуюся горячим раскаянием и слезами. Николь в 1666 году, в «Ясновидящих», назвал драматургов общественными отравителями. Спустя несколько лет Боссюэ, который отнюдь не был янсенистом, оказался не более снисходителен. Не ходят в театр, дабы обрести себе спасение, а то, что говорил Николь, обладало авторитетом доктора богословия.

Расин, который был поэтом и христианином, был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы Пор-Рояль не оказался прав. Он забыл, что Николь был его старым учителем, забыл святую пустынь и выступил на защиту театра в двух маленьких письмах, являющихся своего рода «Провинциальными письмами» о поэтике. Расин спорит и насмеяется с такой же силой и гибкостью, как Паскаль. Буало, прочитав рукопись второго письма, направленного против Пор-Рояля, в ту пору преследуемого, сказал другу: «Это очень хорошо написано, но вы не подумали о том, что пишете против самых порядочных людей в мире». Расин не напечатал этого второго письма. Он подчинился в своем жизнен-

ном поведении Буало, который действовал сообразно сильным и простым принципам. В вопросах поэтики Буало имел на него столь же большое влияние. У Буало был весьма небольшой запас идей, но они были очень ясны и легко приложимы. В этом — большое преимущество для руководства умами. Люди слишком широкого духовного склада запутываются в бесконечных сложностях, теряются, снова находят себя и опять колеблются: они научились сомневаться. В некоторых случаях они следуют за людьми более узкими, которые никогда не испытывали смятения.

«Андромаха» была представлена в первый раз в «Бургундском отеле» в ноябре 1667 года. Мадам де-Севинье, не любившая Расина, пролила слезы. Поэт удержал в памяти, как бесценную жемчужину, слезинку, скатившуюся из прекрасных глаз Генриетты Английской. Публика проявила интерес к этой трагедии. «Повар, кучер, конюх, лакей — вплоть до водоноса — все считали нужным обсуждать «Андромаху». ¹

В эту пору Расин еще был завсегдаем «Белого барана». В этом кабачке на месте бывшего кладбища Сен-Жана родились «Сутяги». Расину пришлось проиграть какой-то процесс, в котором «ни его судьи, ни он сам ничего не уразумели». ² Ужиная в обществе Буало и Фюретьера, которые оба хорошо знали судейские нравы, он задумал написать для Скарамуша фарс на ябеду. Но Скарамуш покинул Париж, и поэт написал на тот же сюжет комедию для «Бургундского отеля». Сначала она не имела никакого успеха. Люди светского общества боялись смеяться не по правилам. Но после того как король, видевший «Сутяг» в Версале, изволил смеяться, столица одумалась и явственно развлекалась преступной собакой и слезами ее семьи.

«Британник» появился в следующем году (1669). В день первого представления в партере не было ни одного литератора, ибо в это же самое время на Гревской площади некоему человеку должны были отрубить голову. Старый Корнель сидел один

¹ Сюблиньи, Предисловие к «Безумной ссоре».

² Расин, Предисловие к «Сутягам».

в ложе. Кое-кто из его сторонников, назовем Бурсо, пришли навестить его, и Корнель горячо осуждал пьесу. Расин счел пужным, по примеру Теренция, защититься в предисловии против нападок «старого зложелательного поэта» — «malevoli veteris poëtae». Злопыхательство росло. Публика оставалась равнодушной. Тщетно Буало хвалил сентенциозные стихи новой трагедии. Прошло несколько лет прежде чем «Британник», принятый публикой лучше, принес почет Расину.

С наступлением пасхи 1670 года одна артистка, бывшая в Париже только год и приглашенная в труппу «Бургундского отеля», заменила в роли Гермионы больную и почти умирающую Дезойле. Это была Мария Демар, внучка президента нормандского парламента, жена комика Шаммеле. Ей было двадцать шесть лет, у нее были маленькие глаза, плохая кожа, но она отличалась счастливым сложением, благородной осанкой и трогательным голосом. Госпожа де-Севинье, которая до некоторой степени была ей свекровью, рассказывает, что вблизи она была безобразна, но, читая стихи, становилась очаровательной. В первом же своем выступлении она создала прекрасный тип Гермионы, особенно в сценах неукротимой страсти. Ее соперница, притащившаяся в театр, ушла, горестно восклицая: «Нет больше Дезойле!» Расин отправился в уборную Шаммеле поздравить ее, «стоя на коленях». Он решил доверить ей роль Вероники, которую он обдумывал в то время. Впоследствии он возложил на нее труд создать роли Роксаны, Монины, Ифигении и Федры.

Дарование этой артистки было, видимо, велико: похвалы ей переданы нам блестящими свидетелями. Общеизвестны стихи Буало:

Нет, Ифигения, закланная в Авлиде,
Слезами столькими не омрачала глаз,
Как ты, о Шаммеле, в ее представши виде,
Заставила пролить своей игрою нас.

Нельзя вспомнить без очарования полное грации послание, в котором Лафонтен посвятил Шаммеле свою сказку «Бельфегор».

Так! Вашим именем украшу я начало
 Старательных стихов, внушенных музой мне.
 Филида нежная... и т. д.

Шаммеле нравилась. Это было «маленькое чудо»,¹ как ее называла одна придворная дама. «Скоро все будет зависеть от короля Франции и от м-ль де-Шаммеле»,² — говорил поэт. Обладая легким нравом, она внушала зависть Нинон, которая угрожала «обучить ее слегка ремнем»³ при помощи некоего дворянина. Шаммеле не хвасталась верностью. Ее муж не был ворчуном; он был умным человеком и вместе с Лафонтеном смастерил красивую комедию «Очарованный кубок». Повидимому, он придерживался мнения Тибо: «Если я буду знать об этом, разве я стану богаче?»⁴

У его жены весело ужинали, вытворяли всякую чертовщину, о которой мадам де-Севинье была так хорошо осведомлена. Порядочные люди, например Лафонтен, Буало, маркиз де-Севинье, пили там шампанское. Шаммеле в этом отношении не давала промаху. Расин был принят хозяйкой с особым вниманием, но не лучше некоторых других.

Лафонтен писал в 1676 году к мадемуазель де-Шаммеле: «Расин никого так не любит, как вашу очаровательную особу». Так длилось шесть-семь лет. Господин де-Тоннер все испортил. Он вызвал к себе любовь; это был шалопай и мошенник, большой шутник и насмешник и плохой товарищ. Расин, готовившийся изменить свою жизнь, уступил ему место; и о красавице стали говорить, что «Тоннер вырвал у нее корни».⁵

Когда грядущие годы принесли непоправимые изменения и когда затем Шаммеле умерла пятидесяти четырех лет в Отейле, христианский поэт писал своему сыну, что его «более всего огорчает та настойчивость, с которой эта несчастная не желала

¹ Мадам де-Севинье.

² Письмо Лафонтена.

³ Письмо мадам де-Севинье.

⁴ «Очарованный кубок», сцена XVIII.

⁵ Непередаваемая игра слов: *rasine* — корень, *tonnerre* — гром, буря, гроза.

покидать сцену». Он писал также, когда та, которая слышала столько нежных слов и похвал, была отнесена на кладбище: «Между прочим, скажу вам, что я должен внести некоторую поправку в воспоминания о Шаммеле, умершей довольно благобно... Она очень раскаивалась в своей прошлой жизни и особенно была огорчена тем, что ей приходится умирать». Нельзя сомневаться, что тот, кто выражается таким образом, не убил в себе ветхого человека.

Мы говорили, что в 1670 году Расин работал над «Вероникой». Сюжет этой трагедии был выбран молодой герцогиней Орлеанской, которая предложила его одновременно Корнелию и Расину. Она интересовалась жизнью искусства; она почтила одной слезинкой первое представление «Андромахи»; она любила музу Расина, такую же молодую, как она сама, и свежую, как ее наиболее старые воспоминания.

Генриетта хотела, чтобы поэты воскресили под тонким прикрытием память о тех днях, когда она приносила с собой в Фонтенебло «радость и удовольствие»,¹ когда она верхом возвращалась с купанья, рядом с королем и в сопровождении всех дам, «одетых со вкусом, с множеством перьев на голове», или с ночных прогулок, в коляске, вокруг канала, под музыку скрипок. Король начинал тогда чувствовать к ней любовь, и «она была очень счастлива, что он сохранил к ней привязанность, в которой не было любовного иступления, но были снисхождение и удовольствие».

Ей хотелось оживить в драматическом произведении эти прекрасные чувства и эти невинные приключения. По меньшей мере, ей хотелось, чтобы этот король, за которого она должна была выйти замуж очень молодой и который позднее затронул ее сердце, был изображен поэтом влюбленным, героически настроенным; быть может, следуя чувству, действительно очень редкому, она выбрала Веронику героиней поэмы потому, что думала о своей подруге Марии Манчини, ибо эта племянница Мазарини, принесенная Людовиком XIV в жертву интересам

¹ *Госпожа де-Лафайет, История Генриетты Английской.*

государства, сильнее напоминала, чем Генриетта Английская, ту царицу Палестины, которую любил Тит и которую он послал в изгнание вопреки своему и ее желанию.

Герцогиня Орлеанская не увидела ни одной из обеих трагедий, которые она внушила. Когда «Вероника» появилась на сцене «Бургундского отеля», в ноябре 1670 года, Генриетта уже исчезла, «как трава в поле», — прошло уже шесть месяцев со дня ее кончины. Трагедия Корнеля «Тит и Вероника» была представлена на следующей неделе в театре Мольера. Она была плохо сыграна и провалилась. Прекрасная элегия Расина встретила лучший прием.

«Баязет» появился в январе 1679 года в «Бургундском отеле», «в турецком одеянии». Во время одного из представлений Корнель сказал Сегре: «Я остерегусь сказать это кому-нибудь другому, потому что стали бы утверждать, что я говорю из зависти; но имейте в виду: ни одно лицо в «Баязете» не наделено теми чувствами, какие оно должно было бы иметь и какие существуют в Константинополе». Все враги Расина стали повторять, что его турки — не настоящие турки. Но какие бы они ни были, они волновали, и «Баязет» удержался на сцене. Разумеется, Корнель не был завистлив, но он не мог благосклонно относиться к этим новейшим произведениям, которые поглощали весь «Бургундский отель», привлекая толпу зрителей и вынуждая его ставить свои трагедии в театре Маре, где их плохо играли и куда зрители не ходили. Нам уже известно, что Расин не очень терпеливо переносил насупленный вид великого старца. Он говорил о нем, конечно, несколько легкомысленно. Но пятнадцать лет спустя, после той октябрьской ночи, которая унесла Корнеля, Расин произнес в Академии этому замечательному человеку похвальное слово, с пылким восхищением, не превзойденным никогда впоследствии.

Трагедия «Митридат», поставленная в «Бургундском отеле» в январе 1673 года, была принята хорошо.

Расин вступил во Французскую академию 12 июня того же года и занял место де-Ламот-Левейера. К этому времени поэт получил, благодаря Кольберу, должность казначея Франции

в округе Мулен. Окружной казначей носил звание кавалера и имел право быть похороненным с золотыми шпорами. Людовик XIV, присутствовавший при покорении Франш-Конте, дал по своем возвращении, летом 1674 года, праздника в Версале. В театре, построенном специально для этих празднеств возле Оранжереи, была впервые сыграна «Ифигения». Сцена представляла собой длинную зеленую аллею, украшенную дикими гротами и фонтанами с мраморными водоемами и золотыми тритонами. Двор аплодировал. Шесть месяцев спустя «Ифигения» была показана столице, принявшей ее так же, как двор: было пролито много слез. Расин находился в самой блестящей поре своей жизни. Его враги казались побежденными, на его стороне было общество, Конде, Мортемары, король; за него был Буало и разум.

Но пока он готовил к постановке на сцене свою «Федру», в одном высокопоставленном кружке замышлялась гибель поэта. Заговор ткался в особняке Буйон. Там царствовала одна из Манчини, надменная, беспокойная, властная: «она была образована, обладала красноречием, охотно спорила и иногда наносила смертельный удар». ¹ Герцогиня Буйон похвалялась, что создает и развенчивает поэтов. Герцог Наваррский, ее брат, притязал на звание остроумца; он писал легкие стишки, какие может писать знатный вельможа, и мадам де-Севинье считала их лучшими стихами в мире. И брат и сестра принадлежали к литературной партии Сегре и Бенсерада. Они считали Буало врагом; они плохо понимали Расина и решили его низвергнуть. Мадам де-Гульер, их старая муза, рекомендовала им поэта, способного вытеснить Расина. Это был Прадон. Этот Прадон, ничтожный талант, естественно завистливый, уже в предисловии к своему «Тамерлану» нагло оскорбил Расина. Это был человек, какого искали: ему заказали «Федру»; он писал наспех, ему помогали, и в несколько недель все было готово. Правда, у них не было Шаммеле — но тем лучше! Если Расину станут аплодировать, он будет обязан успехом лишь своей комедиантке.

¹ Сен-Симон, Мемуары.

Мадемуазель дю-Пен взяла роль, и «Федра» Прудона была дана 3 января 1677 года труппой Генего, двумя днями позже первого представления «Федры» Расина в «Бургундском отеле». Племянница Мазарини, ловкая в интригах, скупила все ложи на первые шесть представлений обеих пьес. Этот маневр обошелся герцогине в пятнадцать тысяч ливров, но зато Расин потерял расположенных к себе зрителей, и исход борьбы оказался сомнительным. Война продолжалась посредством сонетов. Один сонет был сочинен после ужина в особняке Буйон; друзья Расина ответили сонетом на те же рифмы, направив его против герцога Наваррского; сонет был отмечен той изысканной жестокостью, которой так хорошо умел пользоваться поэт. Герцог ответил снова на те же рифмы угрозой прибегнуть к палке. Разнесся даже слух, что Буало был избит на улице лакеями. Тогда принц Конде, рассердившись, заявил, что Расин и Буало — его друзья и что «он отомстит за оскорбления, которые им нанесут». «Бургундский отель» погрузился в молчание. «Федра» Расина осталась на сцене, а пьеса Прудона удержаться не смогла.

Тем не менее враги поэта одержали верх. Расин отказался от театра. Он всегда был чувствителен, раздражителен, склонен сокрушаться. Малейшая критика причиняла ему всегда больше огорчения, нежели все похвалы приносили удовольствия. Он был уязвлен; он снова почувствовал ту горечь, ту великую сердечную скорбь, то отвращение ко всему, какое бывает у лучших художников, у тех, кто работает с наибольшей любовью. Люди, создавшие произведения наименее пустые, принадлежат к числу тех, которые лучше видят тщету всего. За гордое счастье мыслить надо расплачиваться печалью и разочарованием.

Кроме того, Расин был христианином: его вскормил янсенизм. Теперь, когда его юность прошла, унося с собой прекрасные призраки, которые порхают у порога жизни, желания, их обманчивые образы и новые наслаждения, он почувствовал себя одиноким, отданным в руки грозного бога, и страх, спасительный страх завладел им. Не наделил ли он последнее из своих языческих произведений, свою «Федру», всеми волнениями и всем отчаянием христианской души, лишенной благодати?

Поэт пожелал принять монашество. Он говорил, как Рансе: «Я вижу лишь одну дверь, в которую можно постучаться, чтобы возвратиться к богу: это — монастырь; у меня нет после такой беспорядочной жизни иного средства, как надеть куколь и власьяницу и провести дни мои в горечи покаяния». Но духовник отговорил его от этого решения и посоветовал вступить в христианский брак. Расин обвенчался 1 июня 1678 года в церкви Сен-Северина с девицей Катериной де-Романе, дочерью Жана-Андре Романе, мэра Мондидье и казначея Франции. Буало и Никола Витар были свидетелями со стороны мужа. Девица де-Романе не читала трагедий Расина; у нее был мягкий характер и ровное настроение.

Так как Расин, изменив свою жизнь, не подражал, однако, покаянию м-м де-Лонгвиль и Рансе и не умер для мира, то было естественно, что он остался при дворе и был предан королю еще усерднее, чем раньше. Служить христианнейше королю — значило также служить богу. Быть при его дворе — являлось одним из проявлений благочестия. Превозносить короля — не значило воздавать языческую похвалу. Боссюэ делал это в храме, не боясь соединить имена Давида и Людовика, как имена двух существ особенно близких царю небесному. Когда Расин в конце 1677 года получил, милостью госпожи де-Монтеспан, звание историографа короля, он, без сомнения, решил, что его задача — показать волю провидения в деяниях короля и рассказать о победах, которые господь одержал десницей Людовика.

Это вовсе не означает, что у поэта не было забот при дворе, которые были мало свойственны его помыслам о спасении. Врожденная способность легко принимать тон любого общества, умение нравиться, приятная гибкость, понимание всего происходящего сделали из этого нежного янсениста человека полезного и вовлекли его во множество интриг, больше нежели он этого хотел. «Ему был всюду доступ, даже к изголовью постели короля; принцесса Бургонская радовалась, видя его за своим столом». ¹

¹ *Спангейм*, «Неизданные мемуары».

Он нравился госпоже де-Монтеспан. Ему необходимо было продолжать нравиться, начать писать оперу, которую у него нехватало смелости закончить; ему нужно было украсить мадригалом «разные произведения» семилетнего герцога дю-Мень; ему необходимо было создавать завистников, продолжать иметь всегда и всюду врагов.

Обязанности историографа заставляли его сопровождать короля в походах. Он совершил прогулку в Ганд в 1678 году, путешествие в Эльзас в 1687 году, присутствовал при осаде Монса и Намюра и, наконец, был в Нидерландской кампании. Он писал Буало из лагеря под Монсом 21 мая 1692 года после смотра армии, произведенного королем и маршалом Люксембургским: «Я предоставил моей лошади идти, куда ей угодно, не обращая больше внимания ни на что, и я хотел от всего сердца, чтобы все люди, которых я видел, снова очутились с женами и детьми у себя в хижинах или домах, а я — у себя на улице Каменщиков, среди своего семейства».

У Расина было от Катерины Романе семеро детей: два мальчика и пять девочек. Самый старший, Жан-Батист, сразу проявил себя весьма рассудительным средним человеком. Но в своей старшей дочери, Марии-Катерине, поэт нашел любимое подобие самого себя. У Марии-Катерины была нежная и беспокойная душа. Мягкая строгость отцовского дома, религия, в которой ее наставляли, состоящая из любви и ужаса, породили в ней жажду монашеской жизни и ее экстазов. Шестнадцати лет она поступила к кармелиткам, в предместьи Сен-Жак. Отец, несмотря на благочестие, был огорчен этим. Тяжело заболев в своей келье, она возвратилась к домашнему очагу, но потом решила уйти в Пор-Рояль, куда и удалилась на самом деле. Остаться там она не могла. Отшельники не позволяли больше никому принимать монашеское звание. Она писала своему отцу письма, которые «волновали и терзали его». Наконец она снова появилась под отчим кровом, ослабевшая от лишений, принявшая решение отказаться от света и никого не видеть. Мало-по-малу, с трогательной слабостью, она опять занялась нарядами, стала улыбаться, и в ее душе ожило то тонкое сладострастие духа, которое было

так естественно для дочери Расина. Отец, за несколько месяцев до своей смерти, смог выдать ее замуж.

Младшая дочь поэта, самая красивая, Анна, или как ее звал отец, Нанетта, в свою очередь поступила к урсулинкам в Мелюне, куда ее привела в ранней молодости склонность к религиозной жизни. Эта склонность превратилась в окончательно окрепшее призвание. Она приняла пострижение шестнадцати лет и трех месяцев. Отец присутствовал на этой церемонии; он плакал возле коленапреклоненной дочери, которая, из боязни расчувствоваться, не осмеливалась повернуть к нему головы, в то время как ее прекрасные волосы падали под ножницами епископа Сенского. Расин плакал; но не сам ли он направил дитя на жертвенный путь к этому самому алтарю, где увидел ее посвящение?

Если бы он прожил немного дольше, он увидел бы, как две младшие из остальных трех дочерей, Бабетта и Фаншон, в свою очередь приняли постриг и умерли для мира. Грозная тень янсенистского бога окутывала эти юные головы. И, несмотря на это, какое богатство внутренней радости и счастливой невинности было в семье поэта! Устраивались богослужения, где прислуживали маленькие дочери; Луи, которого называли Лионваль, был священником, и автор «Аталии» пел, неся крест. Однажды утром конюх пришел к нему сообщить, что его ждут на обед у Конде. Отец семейства велел принести из кладовой карма стоимостью в одно экю: «Судите сами, — сказал он, — могу ли я отказаться от обеда с этими бедными детьми, которые хотели угостить меня сегодня и которых я лишил бы большого удовольствия, если бы не разделил это блюдо с ними? Прошу вас сообщить об этом его светлейшему высочеству». Иногда Буало принимал маленькое семейство у себя в Отейле. После изысканного обеда он уводил с собой Мадлену, самую младшую дочь, плутовку и насмешницу, и ее брата Лионваля на прогулку в Булонский лес; он угрожал, что оставит их там, и смеялся вместе с ними.

Расин, двенадцать лет спустя после того как отказался от театра, написал трагедию «Эсфирь» для госпожи де-Ментенон, учредившей Сен-Сирский пансион, где она воспитывала благо-

родных девушек, «собранных со всех концов королевства». Госпожа де-Ментенон хотела «развлечь своих девочек и короля». Она попросила Расина написать пьесу в стихах, которые можно было бы положить на музыку. Сюжет нужен был благочестивый; девочек заставили было разучить «Андромаху», но они исполняли свои роли с излишним воодушевлением. Расин принес свою «Эсфирь». Сюжет был выбран очень умело. Изобразить Эсфирь ведомою провидением к ложу царя, которого она покоряет в интересах мудрости и истины, заставить ее появиться окруженной дочерьми Сиона, которых она «учит и воспитывает», — означало показать госпоже де-Ментенон зеркало, достаточно льстившее ей волшебством своего отражения. Первое представление «Эсфири» состоялось в Сен-Сире в среду 26 января 1689 года. Для сцены выбрали поместительный вестибюль у дортуаров воспитанниц, на втором этаже парадной лестницы. Скамьи, расположенные у стен с обеих сторон сцены, были оставлены для маленьких девочек общины, которые, сообразно их возрасту, носили повязки красные, зеленые, желтые или голубые.

Пространство между скамьями было отведено для посторонних зрителей. В первом ряду было поставлено кресло для короля. Актрисы были одеты в белые платья персидского покроя, украшенные жемчугами и бриллиантами, которые некогда служили для королевских балетов. Хрустальные люстры освещали зал; декорации были нарисованы Бореном, декоратором придворных спектаклей. Королевские музыканты аккомпанировали хорам, и Нивер, органист Сен-Сира, играл на клавесинах. Расин, хорошо читавший стихи, обучил этих невинных актрис. Они, преклонив колени, прочли «Veni, Creator», прежде чем выступить на сцене. Одна из них, игравшая роль Элизы,¹ забыла текст. Король уже присутствовал. «Ах, сударыня, как вы повредили моей пьесе», — сказал Расин. Молодая девушка заплакала. Он подбежал к ней, вытер ей слезы своим платком и заплакал вместе с нею.

¹ Наперсница Эсфири.

Боссюэ присутствовал на этом представлении. Он посетил последний спектакль, который давался в том сезоне и на котором присутствовала также госпожа де-Севинье. Она писала: «Расин превзошел самого себя; он любит бога, как любил своих любовниц». В «Эсфири» понравилось все: сюжет, стихи, музыка, актрисы и особенно девица де-Виллет; ее слишком трогательное лицо и слишком милая игра обеспокоили директрису Сен-Сира. Двор придавал этим представлениям все то значение, какое приписывали ему Людовик XIV и госпожа де-Ментенон. Это было большое событие года. Министры оставляли самые неотложные дела, чтобы пойти послушать сен-сирских барышень.

Для Сен-Сира Расин написал еще новую трагедию — «Аталиа». Но празднества, связанные с «Эсфирью», и светский блеск, отраженный на девицах, воспитывавшихся в духе благочестия, задели за живое духовных руководителей госпожи де-Ментенон. Враги Расина завопили о скандале. Стареющий король становился все внимательнее к советам ханжей. Молодые девушки два-три раза сыграли «Аталию» в Версале, в комнате госпожи де-Ментенон, в присутствии короля, принцев крови и очень немногочисленных вельмож; на них были обычные платья Сен-Сира, лишь украшенные несколькими лентами и жемчугами. Представление было повторено несколько раз в еще более бедной и закрытой постановке, в «Голубом классе» Сен-Сира; на этом все кончилось. Пьеса, задушенная таким способом, была осмеяна врагами поэта, и публика не увидела ее.

Расин, изменив облик своей жизни, примирился со старыми друзьями. Прежде всего он добился прощения у Николя, потому что Николя был обижен им больше всех. Он пал к ногам Арно, и великий ученый опустился на колени, чтобы обнять кающегося поэта. Он часто бывал в Пор-Рояле, ежегодно со всей семьей участвовал в процессии св. даров, присутствовал при перенесении сердца Арно, умершего в изгнании. Он покинул Версаль при первом же известии о том, что Николя постиг апоплексический удар; ему поручали вести тонкие дела общины, он писал в защиту монахини и вел сношения с архиепископом парижским.

Такую приверженность к людям, в которых король видел гордецов и мятежников, сочли при дворе скандальной. Госпожа де-Ментенон была не такова, чтобы покровительствовать янсенисту. Если правда, что Буало, который не скрывал ничего, не скрывал и своего уважения к отшельникам, то этот сумрачный человек не мог сердить людей своими жесткими манерами, ибо именно этого от него ожидали и в нем любили. Но малейшая независимость в поведении или в речах поражает и раздражает как измена, когда она проявляется у человека, который до тех пор постоянно находил способ быть приятным.

Расин дал Людовику XIV еще один повод для недовольства; это долго оставалось скрытым, как государственная тайна, и мы знаем об этом лишь по семейному преданию. Поэт, по просьбе госпожи де-Ментенон, которая знала его разносторонние способности, составил записку о нищете народа, вызванной войнами. Она читала ее, когда вошел король, взял записку и, пробежав несколько строк, спросил, кто автор. Сначала она ответила, что обещала хранить тайну; но Людовик XIV умел заставлять повиноваться даже любимых женщин. Узнав, что мемориал написан Расиным, он гневно воскликнул: «Неужели он думает, что все знает, — и потому только, что он великий поэт, уж не хочет ли он быть министром?»

Виновный, которого предупредили, чтобы он некоторое время не показывался, написал госпоже де-Ментенон умоляющее письмо, подстерег ее и встретился с ней на несколько минут в аллее Версаля. Она сказала ему: «Я была причиной вашего несчастья. Подождите, пока туча пронесется, я верну вам хорошую погоду». Расин ответил с безропотной печалью и с той горестной пронизательностью, которая свойственна людям, уже прожившим жизнь и приближающимся к концу. Послышался шум кареты. «Это король, — живо вскричала госпожа де-Ментенон, — спрячьтесь!» Несчастный царедворец скрылся в кустах. Это была последняя рана, которую нанесли его сердцу, столь склонному к страданиям и тревоге. Осенью 1698 года Расин ощутил боль в правом боку. Возле ребер образовалась опухоль. Утром, читая в кабинете, он почувствовал сильную головную

боль; спустившись к себе в комнату, он сказал детям: «Я думаю, что у меня небольшая лихорадка, но это пустяки; я хочу на время лечь в постель». Он больше не встал. Болезнь тянулась долго. Этот человек, в котором малейшее нездоровье раздражало тонкую чувствительность, теперь с кротким терпением переносил острые боли. Хотя раньше у него был тот страх перед смертью, который в особенности мучает людей с живым воображением, он встретил смерть без боязни, когда увидел ее лицом к лицу. Это пример того, что священники называют милостью божьей. Он верил. В его смерти торжествовало христианство. Так как все деяния жизни оно направляет применительно к последнему шагу, — у него есть для этого достаточно способов.

Расин, в предвидении близкого конца, позаботился о том, чтобы обеспечить семью некоторым количеством денег, и пожелал, чтобы Буало назначили пенсию одновременно с ним. Обнимая друга, он сказал ему: «Считаю для себя счастьем умереть раньше вас». Он попросил Роллена следить за воспитанием его сына, Луи. Врачи, которые не могли распознать природу болезни, решили вскрыть нарыв. Когда старший сын умирающего сказал ему, что его спасут этой операцией, — «Все в воле божьей», — ответил Расин, — но уверяю вас, что если бы мне предстояло выбрать между жизнью и смертью, то не знаю на чем бы остановил я выбор, для смерти у меня уже все готово». Операция не принесла пользы — потому ли, что к ней прибегли слишком поздно, или потому, что характер нарыва делал ее бесполезной. Священник церкви Сент-Андре в последний раз напутствовал Расина; священное миро коснулось глаз, рта, рук и ног того, кто любил в жизни все прекрасное и нежное, кто был наделен гордостью поэта и слабостями утонченной природы. Он умер у себя на квартире, на улице Маре, 21 апреля 1699 года, между тремя и четырьмя часами утра, в возрасте пятидесяти девяти лет и четырех месяцев.

Расин просил, чтобы его похоронили на кладбище Пор-Рояль-де-Шани, у подножия могилы Гамона. Но погребение состоялось выше могилы Гамона, так как внизу не было места. После разрушения могил Пор-Рояля в 1709 году останки Жана

Расина, вырытые из земли, избранной им, были перенесены в церковь Сент-Этьен-дю-Мон, где они и покоятся до сих пор между останками де-Саси и Антуана Леместра.

В этой же церкви хранится разбитый камень с эпитафией Жана Расина, рыцарским шлемом над ней и гербом с изображением лебедя.

Жан Расин жил в то время, когда французский гений достиг всей своей полноты, а язык, окончательно сложившийся, еще сохранял всю свежесть золотого века. Он учился у поэтов античности, наслаждался ими и до конца соблюдал ту эллинскую и латинскую традицию, исполненную красоты и разума, которая создала формы поэзии — оды, эпопеи, трагедии и комедии. Нежность, чувствительность поэта, его пылкость, любовнательность, даже его слабости — все располагало его познать страсти, являющиеся сутью трагедии, и дать выражение ужасу и состраданию.

Так время, воспитание, природа соединенными усилиями создали из него наиболее совершенного французского поэта, самого великого по длительности своего значения.

Анатоль Франс

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Андромаха (Действие III, явление 6). С гравюры Лемира по рис. Гравело	6—7
Сутяги (Действие III, явление 3). С гравюры Руссо по рис. Гравело	84—85
Британник (Действие V, явление 6). С гравюры Лемперера по рис. Гравело	164—165
Баязет (Действие IV, явление 1). С гравюры Левассера по рис. Гравело	254—255

*Иллюстрации взяты из «Oeuvres de Jean Racine,
Paris éd. Louis Cellot 1768».*